

Удивительные истории петербургских домов и их жителей

Раз в неделю — рассказ об одной точке на карте Петербурга

30 августа 2018 года, +19, облачно

Всем привет!

Это Алексей, Эля, редакция Бумаги и свежее письмо с историями петербургских домов. Прежде чем начать разговор про сегодняшний адрес, поделюсь с вами [видео с домашней конференции в пространстве «Кубометр»](#) на Мастерской улице в прошлую субботу. Там я немного рассказал о том, как мы делаем нашу рассылку. От волнения я смешно машу руками, но говорю вроде бы все по делу.

Теперь к теме письма — на сей раз мы делаем очередную остановку на «красном маршруте» советского времени: поговорим про дом на улице Достоевского, 4 (старый адрес — Ямская, 4) в котором довелось пожить Владимиру Ленину. Об этом и по сей день возвещает мемориальная доска. Но Ильича мы упомянем лишь кратко: со зданием связаны сюжеты куда менее очевидные и даже более того — загадочные.

Дом с итальянскими мозаиками и ленинским ЖКХ-артом

улица Достоевского, 4

Фото: Алексей Шишкин

Дом на улице Достоевского, 4 был возведен в 1867 году. Тогда этот район считался вотчиной городского среднего класса. Домами владели люди состоятельные, но не фантастически богатые: купцы, инженеры, богема, промышленники средней руки. Заказчиком строительства выступил архитектор Карл Карлович Кольман. Естественно, проект здания он составил сам. Кольман был учеником знаменитого мастера Константина Тона, случалось ему справляться с задачами и потруднее.

1866 год был для Кольмана удачным. Он получил крупный заказ на строительство нескольких доходных домов и особняка на Английской набережной для графа Орлова-Давыдова. По всей видимости, полученные от аристократа деньги он и вложил в собственную недвижимость. Одновременно Карл Карлович удостоился звания профессора Академии художеств — за проект комплекса Всемирной выставки в Петербурге. Последняя, впрочем, так в нашем городе и не состоялась — ни в 1866 году, ни позже.

«Среди своих собратий он пользовался известностью как художник, обладавший тонким вкусом и основательно знавший различные архитектурные стили», — писал о Кольмане искусствовед Андрей Сомов, отец знаменитого художника Константина Сомова. Карл Карлович в Петербурге был известен не только как зодчий, но и как

знаток разнообразных древностей. Еще в юности за успехи в учебе он был премирован государственной стипендией и много путешествовал за счет казны: *«Посетил Морею, Хиос, Иерусалим, Смирну и другие места Востока, повсюду изучая сохранившиеся памятники древнегреческого зодчества и исполняя акварельные виды особенно любопытных зданий. В это время, между прочим, он сопровождал великого князя Константина Николаевича в его плавании по Средиземному морю и составил обширный альбом рисунков, сделанный потом собственностью его высочества. После того, проведя некоторое время в Париже и др. местах Франции, путешествовал по Англии, Италии и Испании. В последней из этих стран изучал в особенности древний замок мавританских царей, Альгамбру».*

В общем, даже по современным меркам, прежде чем окончательно осесть в Петербурге, Кольман постраниковал немало. Зато после 1867 года он адресов не менял: больше 20 лет, до самой смерти в 1889 году, Карл Карлович владеет домом на Ямской, 4 и сам проживает по тому же адресу с супругой Людмилой Константиновной и сыном Константином. Она, кстати, проявила то же постоянство — после смерти супруга еще 10 лет не расставалась с выстроенным им зданием.

2 октября 1893 года в доме Людмилы Константиновны Кольман появился новый жилец. Одну из комнат квартиры 11 занял молодой юрист Владимир Ульянов. Юноша наверняка произвел на арендодателей хорошее впечатление: он много читал, постоянно ходил в Публичную библиотеку, регулярно писал матери, навещал могилу сестры на Волковском кладбище.

«Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен... На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности — и крест, и венок», — пишет Владимир Ильич маме (и в том же письме, кстати, просит «прислать деньжонок: мои подходят к концу»).

Вскоре Владимиру Ульянову, еще не взявшему псевдоним Ленин, удастся получить право на ведение судебных дел и место присяжного поверенного. Дела идут на лад. Он обзаводится друзьями в Петербурге. К нему в гости заходят студент Герман Красин, брат будущего дипломата и террориста Леонида Красина, его однокашник Степан Радченко, члены марксистского кружка в Технологическом институте.

На Ямской, 4 политически активный жилец прожил всего несколько месяцев, до января 1894 года, успев, впрочем, угодить с этим адресом в петербургские адресные книги. А вот под полицейский надзор за свою политическую деятельность он попадет уже позже, на следующей своей квартире — на Лиговском, 41. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Загадочная смерть господина Бергера

В последний день сентября 1907 года от дома на Ямской улице, 4 выдвинулась траурная процессия. Задрапированный черным катафалк, запряженный четверкой вороных, отправился в сторону лютеранского Волковского кладбища. Газетчики «Петербургского листка» заметили в толпе интеллигентной публики, собравшейся на проводы, немало известных лиц — архитектора Дмитрия Крыжановского ([помните дом на Ленина его работы пару писем назад?](#)), электротехника и крупного предпринимателя Михаила Подобедова (на него работали братья де Буры из [письма про Херсонскую, 10](#)), писательницу Изабеллу Гриневскую. В основном за гробом шли представители польской и еврейской диаспор Петербурга.

Хоронили совершенно забытого ныне, а когда-то широко известного бизнесмена — Сигизмунда Маврикиевича Бергера, скончавшегося за двое суток до того при странных обстоятельствах.

Бергер был купцом, директором электротехнического товарищества «Подобедов и компания». По приглашению этой фирмы он переехал в

Петербург из Варшавы, где уже заслужил репутацию высококлассного управленца, успешно представляя интересы Русско-бельгийского общества, тоже занимавшегося электрикой. Кроме карьеры наемного менеджера, пусть и высокопоставленного, Сигизмунд Маврикиевич открыл в столице и собственный бизнес: квартира на Ямской, 4 стала заодно и офисом фирмы, торгующей строительными материалами. По отзывам гостей, жилище было «уютным» «изящно обставленным», хоть и «не семейным». Бергер жил бобылем с одной только прислугой. Все те же вездесущие газетчики, правда, намекали, что к нему периодически наведывалась «знакомая барыня» — любовница из чистой публики (косвенные признаки указывают, что это была как раз богемная красавица, окруженная толпой поклонников, литераторша Изабелла Гриневская). Долгое время Бергера считали баловнем судьбы.

Но в 1907 году друзья заметили странные симптомы: прежде энергичный 43-летний предприниматель стал печален и рассеян. Якобы его мучили неурядицы в бизнесе. В заметке «Петербургского листка» упоминается, что он все чаще заговаривал о смерти и даже одалживал у знакомых деньги на револьвер; и это только одна из многочисленных странностей в истории Бергера. Даже будучи почти полностью разоренным, Сигизмунд Маврикиевич явно мог и сам позволить себе купить оружие.

Вечером 27 сентября он вернулся к себе в квартиру в оживленном настроении. А утром 28-го прислуга не вышедшего к традиционному «легкому завтраку» Бергера зашла спальню. Перед горничной открылось страшное зрелище: *«Закрытый частью одеяла, почти оголенный лежал со страшными глазами и посинелым лицом купец»*. Вокруг шеи Бергера обвилась удавка, сплетенная из его же ночной рубашки. Прибывший врач констатировал смерть от удушья, ориентировочное время гибели — самый глухой предрассветный час. На прикроватном столике обнаружилась написанная по-польски записка, обращенная к той самой «знакомой барыне». По слухам, была и вторая записка «к другу», в которой Сигизмунд Маврикиевич объяснял, что решил покончить с собой из-за финансовых трудностей.

В некрологе Бергера причиной смерти без намека на сомнения указывалось самоубийство. О присутствии на месте происшествия чинов полиции вовсе не сообщалось. Меж тем, следователям тут было бы о чем поразмышлять. Во-первых, сам избранный способ суицида более чем спорный. Задушить себя ночной рубашкой, лежа под одеялом — задача не из легких. Во-вторых, как минимум дела в товариществе Подобедова в 1907 году вовсе не пошатнулись.

Предприятие уверенно держало одну из ведущих позиций на рынке, а директор Бергер был на лучшем счету — недаром на похороны пришел сам основатель фирмы Михаил Подобедов, а на гроб легли венки и от него, и от «признательных служащих» товарищества. Одним словом, об однозначном финансовом крушении дело не шло.

Остается догадываться, что же на самом деле произошло на Ямской, 4 в то осеннее утро, и в чем кроется подлинная причина гибели Сигизмунда Бергера.

Невролог для Кустодиева

Господин Бергер вряд ли имел дело с кем-то из наследников Кольмана — он снимал квартиру уже у новых собственников здания, семейства Гизе, владевшего им с 1899 года. На самом излете XIX века немец Август Гизе приобретает сразу два соседних здания на Ямской улице. С одним из них он расстался уже год спустя, зато со вторым — как раз-таки на Ямской, 4 — Гизе окажутся связаны на многие десятилетия. Сами новоиспеченные домовладельцы заняли в здании квартиру №4. Кроме Августа Фридриховича (по другим сведениям — Ивановича) и его супруги Марии Александровны, тут поселяется их сын Эрнест. И если отец, типичный деловитый петербургский немец, — наемный управляющий имением в Копорье, то сын — уже человек, на равных вращавшийся в кругах петербургских знаменитостей. Его одноклассниками по гимназии Карла Мая были будущий замминистра МВД Николай Плеве, архитектор и критик Александр Бенуа, публицист и художественный деятель Дмитрий Философов.

Сам Эрнест избрал профессию врача. К моменту переезда на Ямскую он уже признанный молодой ученый, врач-невролог, сотрудник одной

из центральных больниц Петербурга — Обуховской на Загородном проспекте. С 1911 года Гизе-младший возглавлял нервное отделение госпиталя. Ему доверяли свои хвори многие знаменитости начала XX века.

«Вчера был у доктора Гизе... Смотрел целый час — нашел невралгию правой руки и посоветовал сделать рентгеновский снимок с плеча и шеи, чтобы узнать, нет ли какой внутренней причины этой страшной боли», — писал в 1910 году художник Борис Кустодиев.

Был среди его пациентов и профессор консерватории, композитор Александр Глазунов. Причем у Эрнеста Августовича он не только наблюдался. Двое мужчин любили вместе усаживаться за фортепиано и играть в четыре руки — по настоянию отца Гизе сделался прекрасным пианистом-любителем, в детстве каждое утро он до школы проводил по часу за инструментом.

Самой же известной неудачей в практике Гизе стала последняя попытка излечить Александра Блока. Вместе с несколькими другими врачами он участвовал в консилиуме 17 июня 1921 года, когда за неделю до смерти поэта специалисты пытались понять, в чем же причина хвори Блока. Диагноз был поставлен вроде бы верный («острый эндокардит и психастения»), но лечение не помогло. До массового внедрения антибиотиков шансов оправиться у больного практически не было.

Эрнест Гизе с семьей прожил здесь до 1942 года. Хотя дом у его родных и отобрали, но фамильная квартира была оставлена за уважаемым и новыми властями доктором.

Кстати, именно здесь в 1914 году на свет появилась младшая дочь Эрнеста Гизе — Мариэтта. Ей было суждено прожить долгую и насыщенную жизнь, стать одним из ведущих ленинградских искусствоведов, выдающимся историком дизайна и педагогом. В 2008 году мне даже довелось лично увидеть Мариэтту Эрнестовну на заседании Всемирного клуба петербуржцев, в котором она состояла. Умерла дочь невролога Блока и Кустодиева в 2011 году. Невольно задумаешься, так ли далек от нас туманный и романтический Серебряный век.

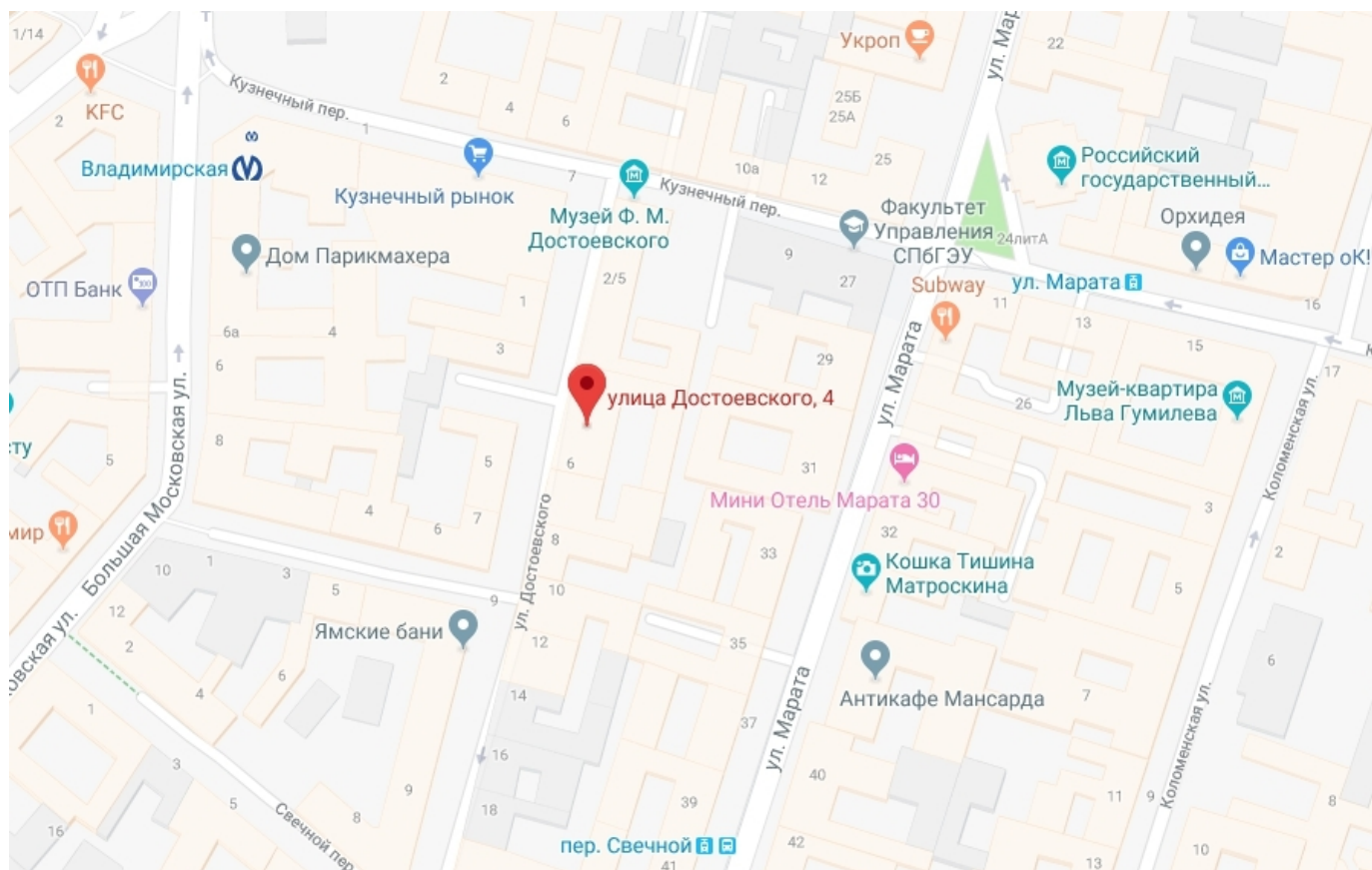

Четыре интересных факта о доме на улице

Достоевского, 4

- В холле левой парадной дома на улице Достоевского, 4 можно видеть сразу две мозаики. Одна с датой очередной перестройки — «1874», другая с надписью *Soyez le bienvenu*, то есть «Добро пожаловать» по-французски. На остальных этажах тоже можно увидеть небольшие мозаики — слегка неровные восьмиконечные звезды.
- Техника, в которой выполнены декоративные полы в парадных дома, называется «тераццо» — этот термин обозначает бесшовный мозаичный пол. Еще еще иногда называют «заливной пол» — он состоит из извести или бетона, в который до окончательного застывания добавляют стекло, осколки мрамора или других камней. В Древнем Риме эту технику именовали *pavimentum barbaricum* — то есть пол варваров. Наибольшего успеха в изготовлении заливных полов достигли мастера Венеции — сегодня технику иногда так и называют — «венецианский тераццо». В Петербурге можно обнаружить множество примеров использования «варварского пола» — в основном в жилых домах и общественных зданиях XVIII-XIX столетий.
- Во дворе дома стоит странное сооружение — каменный постамент, увенчанный покрашенным золотой краской вазоном из автомобильного колеса. С конца 1920-х и по 1994 год на этом месте стоял небольшой бюст Ленина — напоминание о работе Ильича в этих стенах.
- Кстати, соседнее строение по улице Достоевского — дом 2 — не только музей Достоевского, но и еще один ленинский адрес. Во флигеле со стороны Ямской улицы в 1912 году располагалась редакция газеты «Правда».
- Как я уже писал выше, Август Гизе, выкупивший дом в 1899 году, управлял усадьбой Гревова в деревне Копорье. Она принадлежала дворянскому роду Зиновьевых — аристократов литовского происхождения. Имение было по-настоящему роскошным, хлопот у Гизе-старшего было невпроворот, а уровень ответственности высочайший — ведь нанявший его Александр Зиновьев был не только шталмейстером высочайшего двора, но и губернатором Санкт-Петербурга. По счастливому стечению обстоятельств часть поместья уцелела до сих пор. В Копорье

сохранились зиновьевская мельница, парк, руины оранжереи и кладбищенского храма, а также родовой склеп-часовня прямо на территории крепости. Неплохая идея для меланхоличной осенней прогулки.

До следующей недели! [Вступайте в наш чат](#), там можно делиться своими находками.

Алексей и «Бумага»

«Бумага»

Если вам понравилось это письмо, пожалуйста, посоветуйте друзьям подписаться по этой ссылке:

<https://paperpaper.ru/subscribe/house>

Вы получили это письмо, потому что подписались на платные рассылки «Бумаги». Спасибо!

[Отписаться](#)

